

Вечер последнего дня августа выдался тихим и был наполнен тем удивительным покоем, который сродни деревенскому. Неподалеку от центральной части города, где за последние годы выросли современные коттеджи, но пейзаж продолжали портить оставшиеся еще стоять старинные и обветшалые дома, произошло ЧП.

Люди в милицейской форме, приехавшие по срочному вызову, хохотали, стоя вокруг старухи, извергавшей ругательства. Не смеялся только старший группы. Он хмурил лоб и почесывал зубами губы, глядя на старуху с откровенной антипатией. Мало того что она обманула родную милицию, вызвав на ложное происшествие, так вдобавок требовала вытащить из подвала кошку. Сама, видишь ли, боится спуститься туда. Старший оперативной группы, казалось, думал, какую казнь применить к ней.

— Чего бельмами ворочаешь? — гундосила бабка. — Ишь, не нравится ему, что за помощью обратилась пожилая женщина. А куда ж мне обращаться? Одинокой-то? Достаньте кошку. Породы неизвестной. Цветом белая. С темным носиком и ушками.

Старший группы громко выдохнул и отвернулся в сторону. Он, человек в форме и при погонах, был сейчас готов совершить преступление — задушить старуху собственными руками.

— Да че там, давайте сходим в подвал... — предложил самый молодой из группы, подмигивая товарищам. Мол, бабка все равно ведь не отстанет, да еще и жалобу может наклепать.

— Ну иди, — процедил старший.

И еще один вызвался сходить в подвал за кошкой. Оба вошли в дом — старый дом, который мог стать историческим достоянием, если бы его вовремя отреставрировали. Обветшалое двухэтажное строение имело внизу два подвала — верхний и нижний, о чем не преминула сообщить старуха. Так вот, бабкина кошка застряла наверняка в нижнем подвале, а там темно. Два милиционера спустились вниз и, как только подошли к двери, ведущей в нижнее помещение подвала, включили фонарик. Скрипнула дверь, тяжело, со скрежетом приоткрылась. Дверь разбухла от сырости, посему открылась не до конца, милиционеры по очереди протиснулись внутрь. Первым прошел молодой милиционер и стал. Когда второй попал на площадку перед спуском, парень в ужасе выругался:

— Мать твою... Откуда их столько?

Пол нижнего подвала находился в движении. Здесь кипела своя потайная жизнь, а двое людей нарушили ее обычное течение. Милиционер водил лучом, не решаясь спуститься вниз. Кошки, кругом одни кошки. Одни убегали от луча, коротко рыкнув, некоторые сидели, сверкая адскими глазами и издавая шипение, другие лежали, лениво приподняв голову и щурясь на свет. Нахождение здесь кошек в таком количестве было необычным, выходящим за рамки реальности. У пришедших создалось впечатление, будто попали они в потусторонний мир. Но никак не в рай! Второй милиционер вымолвил, опешив:

— Сколько ж их тут?

Действительно, сколько? Двадцать? Тридцать? Казалось, кошек собралось в подвале

несметное множество, а пришельцы сверху вызывали у этих тварей агрессию.

Вдруг молодой человек с фонарем вздрогнул и сдавленно прошептал:

— Смотри, смотри...

Второй сначала посмотрел на него, а затем, увидев непередаваемый ужас в его глазах, проследил за взглядом напарника. Луч фонаря устремлялся в дальний угол подвала и упирался в стену. Сначала милиционер разглядел тень на стене — тень от изящной руки, а рядом кошачью фигуру. Затем он понял: раз есть тень, должна быть и сама рука, поэтому сосредоточил взгляд ниже. И он увидел ее — руку, торчащую из груды непонятого хлама. Рука была женская, тонкая, с длинными пальцами. Но только рука, тела он не увидел, судя по всему, оно находилось за грудой. Жути добавляла кошка, поднимая из глубин души суеверные страхи. Она сидела у руки, кошка светлой масти, и, щурясь на свет, вопила:

— Мя-ау!.. Мя-ау!..

* * *

Без обычной постепенности температура воздуха упала до восьми градусов. Одновременно подул промозглый ветер, а за ним на город обрушился ливень. Если неделю назад по лужам можно было бродить босиком, то в эту дождливую ночь хотелось укрыться от холода под надежной крышей, лечь в теплую постель и заснуть крепким сном, какой приходит в ненастье осенью. Внезапное похолодание возвестило о скоропостижной кончине лета. Собственно, о том же сообщала и дата на календаре — пятое сентября. Но рано, как рано в этом году атакует осень.

Оленька поздним вечером ехала в трамвае к мужу, стоя на задней площадке. Ее внимание целиком поглотили капли, стремительно стекающие по стеклу и оставляющие за собой

причудливые дорожки. Вагон был пуст, впереди дремали на сиденьях три человека, да кондуктор пересчитывала мелочь.

У больницы Оленька выпрыгнула из трамвая, раскрыла зонт и торопливо зашагала по аллее больничного сквера между темными силуэтами акаций и тополей. Она трусишка, поэтому старалась как можно быстрее проскочить темный отрезок пути, крепко сжимая в одной руке сумку, а в другой — зонт. Холодно. Ежась, Оленька подумала, что надо было надеть пальто. Но она постеснялась выглядеть глупо, ведь горожане пока еще не утепляются — слишком скоро нагрянул холод, не хотелось верить в конец лета.

Оленька не считала себя деревенщиной, но районный центр, где она росла и училась в школе, наложил на нее свой отпечаток. Ей до сих пор было трудно избавиться от комплекса, как бы это сказать... провинциальной провинциалки. Такое определение звучит, может быть, и нелепо, однако оно точно. Есть столица, вокруг нее города — это уже провинция, а вокруг городов — своя провинция, и так до самых государственных границ. Оленька родилась и выросла как раз в отдаленной от центра провинции. Несмотря на эрудицию и начитанность, она все-таки порой чувствовала себя деревенщиной. Впрочем, никто об этом не знал, кроме мужа. Да, на глубинную провинциалку свалилось неслыханное счастье — несколько месяцев назад она вышла замуж здесь, в городе, где училась в медицинском колледже. Виталька работает в той же больнице, что и она, только хирургом, а Оленька всего лишь медсестра. Зато какая! Ее обожают все, от главврача до больных. Вот уж верно: каждый человек должен определить свое место, и тогда он будет в ладу с окружающим миром.

По куполу зонта тяжело, как будто с угрозой,
8 барабанили капли дождя, вокруг стояла пу-

гающая темень — ни фонаря на всем отрезке пути. Городские власти шевелятся лишь в период выборов, остальное время пребывают в спячке. Но они-то не ходят по темноте и в одиночестве, они ездят в автомобилях, поэтому их не заботит освещение переулков. По памяти Оленька огибала рытвины и канавки, однако в один момент не угадала дорогу, и нога погрузилась по щиколотку в холодную воду, аж дух захватило. Пожалуй, от простуды ее теперь спасет только горячий чай из термоса, который стоит в сумке. Озноб охватил ее тело то ли от сырости, то ли элементарный страх одинокого путника держал в напряжении. Выбравшись из лужи, Оленька побежала к приемному отделению, куда как раз подъехала машина «Скорой помощи», — раз дверь открыта, она воспользуется этим входом.

Отряхнув зонт и сложив его, она прошла через фойе больницы. Дежурные даже ухом не повели на постороннюю — Оленька свободно прошла к лифту. Поразительная беспечность! Так и террорист запросто пройдет куда угодно...

Оленька поднималась на свой этаж, представляя, как будет рад Виталька ватрушкам и чаю с бергамотом, как обрадуется, что она думает о нем и заботится, — вот, даже пришла к нему на дежурство. Он такой замечательный, веселый и коммуникабельный. Кстати, и великолепнейший специалист. Он добрый и спокойный. За семь месяцев, что женаты, они ссорились всего раз пять, причем инициатором ссор была она, а примирений — Виталька, ведь Оленьку отличает провинциальное упрямство. Но с этим постыдным качеством она тоже усердно борется.

На этаже было спокойно, значит, «острых» больных не поступало. Оленька прошла мимо сонной дежурной медсестры, которая лишь приподняла одно веко и буркнула приветствие. У ординаторской Оленька посмотрелась в зеркальце, привела в порядок волосы и открыла дверь.

Ее встретила темнота. В первый момент она разочарованно подумала, что Виталька на операции, а это долгая песня. Но темнота была наполнена жизнью, той жизнью, которую прячут от посторонних глаз. Услышав учащенное пыхтение, Оленька, еще не сообразив, что здесь происходит, ладонью провела по стене, нащупывая выключатель. Наконец пальцы ее коснулись пластмассового прямоугольника.

Вспыхнул свет. Оленьке не надо было привыкать к электрическому освещению, а вот ее муж сощурился и зло выкрикнул:

— Какого черта? Кто там? Выключи свет!!!

Оленька ничего не слышала. Только видела. А видела она своего Витальку со спущенными брюками и голым задом. Он навис над миловидной докторшей из отделения, что этажом ниже, раскинувшей согнутые в коленях ноги. Довольно пикантно на ее упитанных «окорочках» смотрелись чулочки с широкой кружевной резинкой. Короче, картина в лучших традициях эротических журналов. Докторша тоже сощурилась, пытаясь понять, кто им помешал, причем на пике экстаза явилась, о чем свидетельствовали прерывистое дыхание обоих любовников и капли пота на их лбах. М-да-а, не вовремя решила Оленька навестить мужа...

Наконец Виталик рассмотрел жену, глаза его расширились, рука соскользнула с обнаженной груди докторши. Тут и она рассмотрела, кто пожаловал, непроизвольно охнула и спрятала лицо на груди партнера, то есть мужа Оленьки. В следующий миг девушка вздрогнула от его голоса:

— Оленька?!

Сколько неподдельного испуга, удивления и трусливой растерянности прозвучало всего в одном слове! А Оленька не поняла, что это было ее имя, она его забыла, вообще, забыла про все на свете. В мозгу вспыхнула случайная фраза:

не верь глазам своим! Она и не верила. Разве можно в это поверить? Да вот беда: она не слепая, она все видела.

Сдвинув брови, Оленька сосредоточенно водила потрясенными глазами, замечая новые детали преступления мужа. Виталик смущенно, не вставая с докторши, натянул брюки на зад и замер. До сознания Оленьки долетел его робкий и одновременно глупый вопрос:

— Что ты тут делаешь?

Тем временем докторша лихорадочно прятала груди, похожие на силиконовые. Она запахивала кофточку, отвернув красное лицо к стене. Ей было стыдно. Встать она не могла, потому что Виталик, закрывший телом обнаженную нижнюю часть партнерши, замер и не двигался. Наверняка ему неудобно перед женой. Неудобно было и докторше. Ее увесистые груди вышли из-под контроля — не запикивались под кофточку, как ни старалась она их спрятать.

Оленька опустила глаза на пол. У дивана небрежно валялись медицинские брюки из плотной хлопчатобумажной ткани сине-зеленого цвета, туфли на каблуках, сверху брюк лежали скомканные женские трусики. Из поля зрения не ускользнуло, что Виталик воровато посматривал на жену, а докторша что-то невнятно пробормотала.

— Выйди... — попросил он с натугой.

Если минутой ранее Оленька готова была умереть и даже покорно ждала, когда сердце окончательно остановится, то эта просьба мужа эхом отозвалась в каждой ее жилке. Одно короткое слово заставило работать насос в груди, отчего кровь понеслась по венам с дикой скоростью. Оленьку захлестнуло негодование. Горло сдавило до такой степени, что стало нечем дышать, зато в голову неудержимой лавиной хлынули мысли... Ее муж заботится о крашеной шлюхе с нижне-

го этажа! Эта шлюшка не может встать и предстать голой перед женой любовника! Ей, видите ли, следует одеться без свидетелей... А сам он так и лежит меж раскинутых ног, опустив глаза, как стыдливая барышня... Ее муж, за которого она вышла замуж всего семь месяцев назад, с которым жила душа в душу, лежит почти на голой бабе и просит удалить законную жену! Ему не важно, что жена едва не умерла, став свидетельницей омерзительнейшей сцены... Этот факт пробудил желание умереть позже, а сейчас сделать что-нибудь в отместку, не менее мерзкое.

Оленька вновь опустила взгляд, но теперь свирепый, на вещи докторши. Скрипнув зубами, она рванула к горке тряпья, отчего прелюбодеи втянули головы в плечи и зажмурились, ожидая, что разъяренная обманутая жена поколотит их. Но Оленька сгребла одежду докторши и запихнула ее в спортивную сумку, с которой пришла. Сквозь туман накативших слез она увидела в сумке термос, ватрушки, заботливо завернутые в компрессную бумагу, вишневое варенье в пол-литровой банке. Все это было приготовлено для него, единственного и ненаглядного... В следующий миг вишневое варенье оказалось на голове Виталика и потекло густыми струйками на лицо и белые космы докторши.

— Ты с ума сошла?! — все же подскочил он, поправляя брюки.

Новая картинка с эротикой имела мало общего, а стала достойна порножурнала.

Докторша, взвизгнув, свела коленки и натягивала на голые «окорочка» кофтенку, а та не натягивалась — коротковата. Докторша отвернулась к стене, намереваясь встать. Две половинки плотных ягодиц обожгли глаза Оленьки белизной, и в эти половинки она запустила пакетом с ватрушками,

которые достигли цели, шмякнулись о ягодицы и посыпались на пол.

Третья волна нахлынула на Оленьку: ей нестерпимо захотелось убить обоих любовников, убить жестоко и страшно, чтобы они умирали долго, самой мучительной смертью на свете. Испугавшись, что она ненароком осуществит это желание, Оленька вылетела в коридор и пулей понеслась к лестнице.

— Оля! — больно ударил в спину голос мужа. — Я тебе все объясню...

Бежать, бежать от этого голоса! Далеко-далеко, куда-нибудь в Антарктиду! Только там она не встретит лживого Виталика.

Оленька успела заметить, как с хохотом скатилась со стула медсестра и спряталась под столом. Что так развеселило ее? На бегу она оглянулась. Виталька бежал за ней. Выглядел он невозможно смешно из-за бордовых потеков с задержавшимися в волосах бусинами ягод вишни, весь расхристаный. Так вот почему медсестра свалилась со стула! Ее насмешил вид хирурга Виталия Андреевича. А Оленьке не смешно, ужасно не смешно. Бежать, бежать!

Она неслась вниз, перескакивая ступеньки и едва не падая на поворотах. Воздуха! Ей не хватало воздуха, словно некто невидимый стянул грудную клетку широким ремнем и не давал вдохнуть. Ноги подкашивались. Оленька прилагала немалые усилия, чтобы держаться прямо. Она неслась к выходу, чувствуя: если сейчас не вдохнет, умрет прямо на лестнице. Неслась мимо людей, ожидавших в приемном покое, мимо больных и родственников, мимо спящего на стуле милиционера, мимо всех.

Но вот она добралась до двери, распахнула ее и наконец вдохнула. Сжимая дверной косяк обеими руками, боясь упасть, она еще и еще вдыхала воздух, разбавленный влагой ливня. В голове шумело, перед глазами плавали цветные круги. Когда плавающие круги все до единого полопа-

лись, перед Оленькой открылись ночь и ливень. Темная, глухая ночь и холодный осенний ливень. Так же темно было на душе. Так же неуютно и так же холодно.

— Закройте дверь! — послышалось из приемной.

Оленька бессознательно сделала несколько шагов к колонне, подпирающей огромный козырек над входом в приемное отделение, под который заезжают «скорые». Сзади громко хлопнула входная дверь, но не испугала. Неподалеку курили водители «скорых», с удивлением наблюдая за странным поведением девушки. Оленька страстно желала одиночества, хотела уйти подальше, чтобы никто не видел потоков слез, катившихся по щекам. И она вышла из-под навеса под дождь. Сначала Оленька плакала беззвучно, но, чем дальше она отходила от больницы, тем сильнее прорывались рыдания. У ограды, отделяющей больничный парк от города, она и вовсе разревелась белугой, схватившись руками за мокрые и холодные прутья, а потом уткнувшись в них лбом...

* * *

Инга засиделась допоздна у подруги за шитьем нарядов к предстоящему осеннему балу и теперь бежала домой. У нее нет швейной машинки, а на руках платье не сошьешь. Да и фасоны обе выбрали сложные, не для дилетанток.

Подруги так увлеклись работой, что не заметили, как время предательски пронеслось. Они нашли единственно верное решение: на изнанку никто смотреть не будет, с лицевой стороны изделия выглядят очень даже неплохо. А потом, когда они закончат и отутюжат швы, и вовсе получится изумительно, любой модельер выпадет в осадок. Правильно говорят: портной гадит, уютю гладит. Осталось

дошить всего ничего, но... Взглянув на часы, Инга в ужасе помчалась домой. Подруга предлагала ей остаться на ночь и предупредить родителей по телефону, ведь на улице ливень и поздно. Но разве объяснишь нормальным людям, что ее потом со света сживут? Ночевать у подруг ей строжайше запрещали родители. Они были убеждены, что девочки в подобных случаях идут на обман, что с ними ночуют мальчишки, вот оттуда и берутся беременные.

Ингу угнетала предстоящая встреча с родителями. Несмотря на свои двадцать два года и четырехгодичный студенческий стаж, она совершенно лишена самостоятельности. За нее все решают родители, Инга боится их до сих пор. Нет-нет, ее никогда не били, но ответные методы мамы и папы на провинности дочери хуже кнута. Отец неделями может не разговаривать, мама столько же времени вздыхает и принимает вид, будто она делает одолжение, ставя перед дочерью тарелку супа. Разве в таких условиях полезет кусок в горло?

А сегодня возможен и худший вариант — родители способны запретить ей идти на вечер. Будет неловко перед однокурсниками, когда те не увидят ее в разрекламированном лиловом наряде и догадаются, почему Инга не пришла. Однажды она просидела взаперти месяц из-за конкурса красоты. Тайком она бегала на репетиции с примерками и, к несчастью, заняла второе место. Ей предлагали работать моделью в самой Москве! Да куда там, родители просто озверели, даже кричали: «Проституткой хочешь стать?!» В общем, не пустили и замучили упреками. Но Инга настоять на своем не умеет, дрожит от одной мысли, что папа и мама разгневаются. А уж друга показать им — лучше заранее умереть. Ужасно!

Она мчалась сейчас домой, чуть задерживаясь у фонарей и беспокойно поглядывая на часы. Без пятнадцати двенадцать! С балом 15